

УЗБИ ДОНУ

1996 4(7) апрель
Журнал
монкунговского общества
Санкт-Петербурга

formene-nitmen-press

МНКХТ.ХУ.МХКІІІ.

МОРГА С 96

Толкиновское общество Санкт-Петербурга и редакция нашего журнала в очередной (уже седьмой) раз приветствуют вас, почтенные наши читатели.

Для начала о делах. До редакции добрались многочисленные вопросы о том, как же можно будет получить номера "Резвого Пони" летом, ибо, как известно, многие на это время года уезжают из города, и не на один месяц. Возникает несколько проблем — впрочем, вполне разрешимых. Первая: нет нужды повторять, что "Пони" существует исключительно на средства, получаемые от продажи журнала. Нет денег — нет "Резвого Пони", тем более, что себестоимость одного номера практически равна его розничной цене. Чистой прибыли мы либо не имеем вообще, либо она составляет смехотворную сумму. Толкиновское общество, конечно, в состоянии поднапрячься и выпустить необходимое для всех количество номеров "Пони", но тут возникает проблема вторая, а именно: если вы хотите получить номера за летние месяцы, то редакция ДОЛЖНА ТОЧНО ЗНАТЬ, СКОЛЬКО ТРЕБУЕТСЯ ЭКЗЕМПЛЯРОВ ЖУРНАЛА. Для этого к данному номеру приложен талон заявки, которую вы должны заполнить, обозначив месяцы, когда вас не будет в городе. Номера журнала, выпущенные в эти месяцы, будут оставлены для вас, чтобы вы приобрели их по приезде. Стоимость "Пони" до сентября скорее всего останется прежней, осенью возможно повышение цены из-за удорожания полиграфических услуг, но очень ненамного. Впрочем, не будем заглядывать настолько далеко вперед.

Заполненную заявку вы можете либо отдать представителям редакции на месте получения журнала, либо переслать по почте на наш адрес (197110, а/я 195).

Еще одно новшество, которое мы собираемся внедрить в недалеком будущем. Количество наших постоянных подписчиков растет, и обзавивать всех представляется довольно затруднительным. Это значит, что к осени каждый сможет получить подписной талон с определенным номером и обозначением дней, когда можно будет приобрести журнал. Например "последний вторник — среду каждого месяца". Место продажи пока остается неизменным: метро "Пушкинская". Подобный талон должен появиться в июне — августе. Он будет выдан всем желающим.

Возможно, с января 1997 года мы введем единовременную оплату на подписку сразу на полгода, как это уже сделано для подписчиков из других городов России. Но это — дело довольно отдаленного будущего. Никто не знает, что будет через полгода, а если еще учитывать политическую ситуацию в стране... Впрочем, будем надеяться на лучшее.

Далее. 8 — 10 мая сезон летних ролевых игр был открыт двумя крупными играми в Заходском. "Древняя Скандинавия" и "Старая Англия" соседствовали друг с другом, а в роли Ла-Манша выступал небольшой ручей. Несмотря на попытку злонаправленных норманнов оккупировать темной ночью территорию Английского королевства, обе игры прошли относительно неплохо. Настроение испортил (слегка) только дождик в ночь с 9-го на 10-е, но в общем и целом все получили удовольствие, включая команду ТО (в коей была и большая часть редакции), упорно отыгрывавшую варваров-дикарей.

"Пони" уже рекламировал две крупные игры по Толкину, проводимые в августе — РХИ-96 (9 — 11 августа) и Арнор-1409 (23 — 25 августа). Арнор-1409 — игра, проводимая Толкиновским обществом по достаточно простым правилам, состоится скорее всего в Каннельярви. Заявки вместе с оргзгносом принимаются от отдельных игроков и команд на месте продажи "Резвого Пони". Вы сможете получить бланк заявки и внести оргзгнос (оргзгнос — 1 USD = 5000 руб.) представителю Оргкомитета игры. Особо просим заметить, что на игру Арнор-1409 введен возрастной ценз — 16 лет. Игроки младше данного возраста могут приехать только под личную ответственность капитана команды. Не внесенные оргзгнос на игру не допускаются.

Теперь коротко о делах журнальных. Дамы и господа, нас заботит одна проблема. К огромному сожалению, отзывов о нашей работе мы получаем очень мало. К примеру, статья "Тьма безвредна?" #2(5) получила как крайне положительные, так и крайне отрицательные отклики, причем именно от подписчиков. Главный редактор "Пони" считает, что подобную полемику следует продолжать и далее, но его мнение разделяют не все. Кроме того, редакция в недоумении — интересны ли читателям интервью с писателями fantasy и следует ли публиковать в "Пони" отрывки их еще не опубликованных романов? Вдруг это никому не интересно? Может быть, следует замкнуться на чисто научных текстах и лингвистических исследованиях, подобных комментариям к тексту "ATTOUMA" #1(4)? Или все-таки надлежит разбавлять их чем-то более "легким"? Ну ответьте же, что вам, почтенные читатели, нравится, а что нет! Хотя, безусловно, всем не угодишь.

И еще. В прошлом номере все видели объявление Елены Хаецкой, касающееся издания сборника "тусовочной" литературы. Господа, умоляю вас, не стесняйтесь! Присылайте написанные вами рассказы, повести, стихи (немного) на наш адрес с пометкой "Е.Хаецкой для сборника". Вдруг повезет, и ваше имя появится на обложке книги! Не нужно смотреть на жанр (это не обязательно должен быть fantasy), а объем написанного роли не играет — к рассмотрению будет принят даже десятистранный роман. Чем быстрее вы сможете отослать (передать) в нашу редакцию свои тексты, тем быстрее будет организован проект. Единственно (увы!) — осуществление его зависит не от нас и не от видного писателя, взявшего на себя сей каторжный труд, и даже не от издателя, а от требований рынка. Мы должны заставить рынок нас потребовать.

Кроме текстов присылайте и краткую информацию о себе плюс способ связи с вами.

Ну а сегодня мы хотим вас порадовать главой из нового романа Марии Семеновны "Волкодав-II". Первый "Волкодав" прогремел у нас в городе как гром среди ясного неба. Среди весьма средней отечественной fantasy эта книга выдвинулась чудесным русским языком, великолепной стилистикой, искренностью автора и многим другим. Попросту говоря, это действительно книга года. Надеемся, что и "Волкодав-II" будет достоин своего предшественника.

"Пони" оправдает ваши надежды.
Оставайтесь с нами!

Редакция.

P.S. Ну отзовитесь же! Напишите, что у нас хорошо, а что плохо!!!

Оромэ Адарон, редактор.

~ ꝛꝛꝛ ~ ꝛꝛꝛ ~ ꝛꝛꝛ ~ ꝛꝛꝛꝛꝛꝛꝛ ~

ГРАНИТНЫЙ ГОРОД

(Продолжение. Начало в № 6)

Перенесение столицы в Минас Анор явилось же не знаком новых начинаний, а было лишь стремлением сохранить то, что еще можно было сохранить. Понимая, что Осгилиат потерял свое политическое и стратегическое значение и желая перенести столицу в глубь страны, подальше от Мордора, Тарандор не был обременен выбором. Других крупных крепостей в королевстве не было, строить новую — не было возможности. Перенесение столицы еще дальше, к Морю, походило бы на бегство и означало бы оставленными без охраны границы с Мордором, ибо уже не могло королевство содержать несколько крепостей, способных действительно сдерживать Врага. По той же причине не могла заслуживать внимания идея превращения в столицу Изенгарда, да и слишком далек он был от коренных гондорских земель. Так в середине Третьей Эпохи древняя крепость становится новой столицей Гондора. Ни Осгилиат, ни Минас Итиль уже никогда не смогут соперничать с Минас Анором.

Минас Анор с самого момента своей постройки не планировался быть когда-либо столицей королевства и был всего лишь сильной крепостью, наравне с Минас Итилем. Перенесение столицы в Минас Анор сказалось вскоре на всем облике Города. По обособлении же в Минас Аноре Короля с Двором и армией число горожан резко увеличилось, что потребовало скорейшего строительства новых зданий. Градостроительство всячески поощрялось, и вскоре Город Королей стал известен своими великолепными каменными домами. В 1990 году Т.Э. Калимехтар, ХХХ Король Династии Анариона, построил в Цитадели Анариона, на самой вершине городского холма, Белую Башню. Крепость и город еще неоднократно перестраивались, так что зданий и стен, сохранившихся с момента их основания, почти нет и не осталось вовсе. Мало походило на величественный Минас Анор известные нам средневековые замки с их только двумя стенами укреплений. Минас Анору же были подобны столицы еще более древних государств.

Известен описанный Геродотом хорошо укрепленный город (3), построенный по велению мидийского царя Денюка, в котором одна стена кольцом охватывала другую: «Крепостные стены были построены так, что одно кольцо <стен> выдавалось над другим только на высоту бастиона. Местоположение города на холме благоприятствовало такому устройству <стен>, однако местность была еще немного изменена искусственно. Всех стен было семь; внутри последнего кольца находятся царский дворец и сокровищница» (Нерг., I, 98 (пер. Г.А. Стратановского)). Отличие здесь только в том, что у этого города бастионы первого кольца стен были белые, второго — черные, третьего — желто-красные, четвертого — темно-синие, пятого — сандаракового (оранжево-красного) цвета, шестого — посеребренные и седьмого — позолоченные. Но и у Минас Анора первая стена была не белой, как все остальные, а черной: «Наружная поверхность стены, твердая, темная, гладкая, вытесанная из того же камня, что и башня Ортханка» (ВК, ч.5, гл. 4).

«Внешняя стена города была очень высока и широка — ее построили еще до того, как нуменорцы-изгнанники утратили прежнее искусство и силу» (ВК, ч.5, гл.4), — сообщает древний источник, и все стены были «такими старыми и могучими, что казалось, будто они высечены из самых костей земли, и не людьми, а великанами» (ВК, ч.5, гл.1). То, как возводились стены и башни, жилища и дворцы этой неприступной крепости само по себе являлось достойным поэмы — отмечается в (4) — все семь стен можно было бы вытянуть в линию, длина которой превышала бы 4000 футов, и на их сооружение потребовалось более двух миллионов тонн камня.

Во время царствования Эарнила II, в 2002 году, Минас Итиль был вновь захвачен назгулами. С тех пор назвали его Минас Моргул, и страх стал расползаться по окрестным землям, и многие жители покинули тогда Итилизн. Некоторые источники указывают, что тогда же Минас Анор переименовали в Минас Тирит (1), (4), но на самом деле он назывался по-старому еще 40 лет. Только в 2043 году, когда корону принял Эарнур, ХХХIII и последний король Династии Анариона, Минас Анор стали называть Минас Тиритом. Сделано это было в знак того, что сей град единственный противостоял угрозе из Мордора. Под этим именем крепость и город были известны в конце Т.Э. Название это пришло из древних дней. Возможно, она была так названа в память о крепости, построенной Финродом на острове Тол-Сириню посреди Сирюна Великого.

Через семь лет, в 2050 году, Моргул, предводитель назгулов, бросил вызов Королю. Оставив королевский венец на могиле своего отца и не надеясь на победу, Эарнур принял вызов и сгинул навсегда в Минас Моргуле. Линия королей прервалась, и власть на многие годы перешла к Наместникам. Черное королевское знамя с белым цветущим деревом под семью звездами, развевавшееся на вершине Белой Башни, было заменено на знамя Наместников — белое и без всяких знаков.

Обычай назначать Наместников возник при Минардиле, ХХ Король Династии Анариона. После междоусобной войны 1432-1447 годов многие прислешники мятежного Кастамира во главе с его сыновьями захватили Умбар, ставший центром морского пиратства и прочих всяческих безобразий, учиняемых мятежниками. Король Минардил вознамерился в 1634 году расправиться с пиратами. На время своего отсутствия оставил он в Городе своим Наместником Хьюрина из древнего нуменорского рода. Но попытка Минардила окончилась неудачно — обнаглевшие пираты напали первыми, и в результате был не только разрушен Пеларгир, где стоял Королевский Флот, но в битве погиб и сам Король. После Хьюрина Короли продолжали назначать Наместников из его рода. Когда в 1944 году в бою с Возничими погибли Король Ондохэр и его сыновья, возникли осложнения в отношениях с Арнором из-за спора о престолонаследии с потомками Исилдура, и тогда было решено титул Наместника передавать по наследству. Это было поистине мудрое решение, ибо когда род Королей прервался, не случилось того, что могло окончательно погубить Гондор — новой междоусобицы. Вся полнота королевской власти перешла к Дому Хьюрина, но Наместники правили «именем и жезлом Короля до дня, когда он вернется» (ВК, Прил. I).

В 2475 году, при правлении Наместника Дэнетора I, Осгилиат был окончательно разрушен черными уруками из Мордора. Сын Наместника, Боромир, отбил город и Итилизн. Но Осгилиат никогда уже не восстанавливался в той эпохе. Гондорское королевство окончательно стало приходить в упадок, и Минас Тирит стал последним и единственным городом в королевстве.

Хотя Гондор и продолжал медленно угасать, горожан не оставляла надежда. В 2698 году, XVII наместником Эктелионом I была сделана последняя в Т.Э. перестройка Белой Башни, которую стали называть с тех пор Эктелионовой. Перестраивались тогда и городские укрепления, ибо гондорцы уповали на неприступность стен Минас Тирита. Крепость и Город приобрели почти такой вид, какими они описаны в Алой Книге.

Моргул 196 С

Приведенные в начале статьи (см. "РП" №6) рисунки, взятые нами из [4], представляют собой интересную попытку реконструкции внешнего облика Минас Тирита. Автору этих иллюстраций, Карен Фонстэд, пожалуй, удалось в достаточной мере правдоподобно воспроизвести главные особенности города. В своих работах исследователь опиралась на известные рисунки и тексты Дж. Р.Р.Толкина и стремилась найти между ними наибольшее соответствие, даже если они в чём-то расходились друг с другом.

Архитектурный облик Минас Тирита отражает представления об идеальном городе, сложившиеся в современной античности (то есть, конечно, наоборот). Так, Платон в «Законах» полагает, что «весь город надо расположить кругами, поднимающимися к возвышенным местам, ради хорошей защищенности и чистоты» (Plat., Leg. VI, 778c (пер. А.Н. Егунова)). Как уже говорилось, Город был построен на высоком холме, рядом с отвесными стенами Миндолунина, самой высокой вершины Белых Гор. Холм этот еще в давние времена был назван Сторожевым. Шесть поясов каменных стен охватывали гигантские ступени, вырубленные на склонах холма. По ним город поднимался до самой вершины, на которой стояла окруженная седьмой стеной древняя крепость Анариона, Цитадель Города. Холм был немного вытянут с севера на юг, отчего форму имел в плане не круглую, а напминал скорее эллипс. И две примечательные особенности нарушали строгую симметрию на западном и восточном склонах.

С запада Сторожевой Холм соединялся с горной цепью узким уступом. Этот уступ «возвышался до высоты пятой стены, был перегорожен большими валами по краю пропасти, которой обрывался его западный край» (6, с.22). На рисунке Карен Фонстэд уступ изображен на высоте четвертого яруса, хотя в пояснительной статье сказано следующее: «Уступ холма возвышался только к пятому ярусу...» [4], и, кроме того, городские стены изображены протянутыми по нему к Белой Горе. Но, если обратиться к схематичному плану Города, изображенному на карте, помещенной на форзаце «радужного» «Возвращения Государа» [5] и заимствованной, скорее всего, из атласа Барбары Стрэйки «Путешествия Фродо», то можно увидеть седловину, доходящую до подножия шестой стены; кроме того, стены здесь изображены не протянувшимися по уступу, а упирающимися в его северный и южный склоны, так что до горы доходит только одна внешняя стена. Однако и особого доверия к этой карте у нас нет, так как и самих стен мы насчитали восемь.

На уступе Холма, на узкой площади, окруженной со всех сторон стеной, находились величественные купола гробниц Королей и властителей прошлого. Попастъ сюда можно было только через всегда запертую дверь Фен Холлен на западной стороне шестой стены. У двери имелся маленький домик привратника (см. рис.). Пройдя по обнесенной стенами извилистой дороге, Правитель Города или могильщики, ибо никто более не мог сюда входить, оказывались на Улице Молчания, Рат Динен, что вела мимо усыпальниц и гробниц к Дому Наместников и Дому Королей, где покоились правители Гондора.

С противоположной, восточной стороны, Город был рассечен выдававшейся из холма громадной каменной скалой, «напоминающей форштевень гигантского корабля» (ВК, ч.5, гл. 1). Эта каменная стена, созданная природой и обработанная древними зодчими, начиналась сразу за Большими Воротами и уходила вертикально ввысь, рассекая все ярусы города, кроме первого. Карен Фонстэд отмечает, что на рисунках Дж.Р.Р.Толкина отсутствует эта столь примечательная подробность, хотя она достаточно ясно описана в тексте: «Скала эта была не чем иным, как выдававшимся далеко вперед ребром главного утеса» (ВК, ч.5, гл.1). Холм венчала древняя Цитадель Анариона, давшая начало всему Городу. Окружавшая Цитадель стена уходила на далеко выдающийся вперед отрог Миндолунина, где «образовывала острый угол прямо над Главными Воротами» (ВК, ч.5, гл.1), почти нависая над ними. Здесь имелась «амбразура в стене и каменная скамья под ней» (6, с.35), откуда можно было «озирать дальние подступы к Башне и с высоты семисот локтей наблюдать за тем, что делается у Ворот» (ВК, ч. 5, гл. 1.)

Попастъ в Город можно было через Главные Ворота. В каждой стене были ворота, но они не были расположены на одной линии. Главные Ворота находились на востоке Городской Стены, ворота же последующих ярусов были попеременно обращены от востока то наполовину к югу, то наполовину к северу. У Ворот начиналась главная дорога, петлявшая от ворот одного яруса до ворот другого и ведущая к Цитадели. Каждый раз, пересекая линию Главных Ворот, дорога шла через тоннель в каменной утесе, разделяющем Город. На рисунке Города показаны строения, упоминаемые во «Властелине Колец». На шестом ярусе находилась конюшня, где Перегрин навещал Скалдуфакса. Рядом с конюшней показано жилище гонцов. На первом ярусе изображена Старая Корчма и улица Рат Келерданн, Улица Фонарщиков, на которой Пиппин встретил сына Берегонда. У южной стены шестого яруса показаны Обители Целения. Еще на четвертом ярусе указано место, где Перегрин мог найти Мериадока (ВК, ч.5, гл.8). Пройдя шесть ярусов, дорога уходила в последний тоннель в каменной стене, ведущий к воротам Цитадели. «Вход в Цитадель был также обращен к востоку, но был прорыт через толщу скалы и оттуда длинный наклонный тоннель, освещенный лампами, поднимался к седьмым воротам» (6, с.21). Вынырнув из сумрачного коридора через седьмые ворота, дорога наконец приводила в крепость.

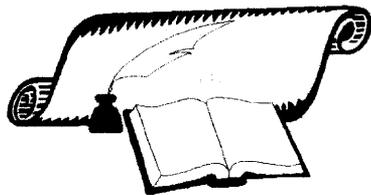
В Цитадели находилось много различных строений, но на рисунках показаны только упоминающиеся в тексте. Посреди крепости возвышалась величественная Белая Башня, у подножия которой находился Королевский Дворец, а перед ней раскинулась мощёная белым камнем Площадь Фонтана. Цитадель была похожа и не похожа на европейские замки, построенные в Европе после Крестовых Походов. Белая Башня поднималась выше самых высоких европейских замков, хотя была двумя сотнями футов ниже Ортханка [4]. Высота Холма составляла 700 футов и высота башни была 300 футов, так что Знамя Королей реяло над соседними равнинами на тысячефутовой высоте [1]. Посередине площади был фонтан, окружённый яркой зеленью газона, а рядом с фонтаном росло Белое Дерево. Говорят, что некогда в Минас Аноре Исидуром было посажено Белое Дерево, уже после того, как Саурон захватил Минас Итиль. Телемнар, перенес столицу в Минас Анор, посадил в Цитадели саженец Белого Древа. Когда в 2852 году последнее Белое Дерево засохло, оно было оставлено стоять «пока не вернётся Король».

Внутри Башни находились кладовые, на самом нижнем уровне были небольшие трапезные для дворцовой стражи, вокруг и над главным залом были расположены очень маленькие совещательные комнаты и тайная комната на самом веру. В комнате той находился Палангир. Когда последний правящий Наместник нашёл в себе решимость им воспользоваться, «многие, кто в это время глядел в ту сторону, видели в узких окнах бледный свет, что тлел и мерцал...» (ВК, ч. 5, гл.4). Поэтому, кстати, тайная комната всё же имела окна, не показанные на рисунке.

(Окончание следует)

ТОЛКИН И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Доклад М.А.Фиглин на 1-м Большом Толкиновском Семинаре

Творчество Толкина подобно драгоценному камню: взглянешь на него под новым углом - и оно вспыхнет новыми красками, обнаружив что-то новое в знакомом тексте.

Обратиться к помощи психологии меня побудил удивительный феномен популярности Толкина. На свете немало интересных книг. Почему же именно Толкин вызвал такой всеобщий интерес? Может быть, книги творца Арды отвечают какой-то скрытой потребности человеческой психики?

Современная психология имеет множество школ. Я попытаюсь кратко сказать о том, что нам могут объяснить методы лишь двух из них: психоанализ по Юнгу и транзакционный анализ по Берну. Вначале позволю себе самым кратким образом, стараясь избегать специальной терминологии, изложить суть рассматриваемых теорий.

Итак, Юнг - ученик Фрейда, основатель одной из фундаментальных школ психоанализа. На тему "Юнг и Толкин" есть очень интересная книга, написанная американским психотерапевтом О'Нейлом. В значительной степени "юнговская" часть доклада основывается на этой книге. Юнг, как и Фрейд, считал, что наша психика определяется *сознанием* и *бессознательным* (*подсознанием*). В Сознании - то, что человек знает о себе (его Я), о мире, о других людях. Кроме того, в сознании имеется представление о себе самом - какой я человек и каким меня должны видеть окружающие. Это *Маска*. У человека с нормальной психикой Маска очень похожа на Я. Все же, что человек не допускает в свои мысли - чувства, инстинкты, воспоминания, неприятные впечатления и обиды - вытесняется в Подсознание и образует там второй облик человека - *Тень*. Туда уходит все, что человеку кажется в себе враждебным, чуждым, стыдным, а также все, что не соответствует Маске. Чем большую власть взяла Маска над Я, чем больше человек сам в нее уверовал, тем больше вытесняется в Бессознательное. Поэтому власть Маски над Я опасна для психики. Кроме того, в Подсознании весь человеческий (и даже дочеловеческий) опыт физиологического, психического, культурного развития, инстинкты, интуиция. Этот врожденный опыт часто не совпадает с нашими представлениями, "как должно быть", с требованиями сознания. Но от того, что мы не допускаем Бессознательное в свои мысли, оно не перестает влиять на наши желания и поступки, проявляться в снах и в настроениях. Коллективный опыт человечества отображен в подсознании в форме *архетипов*. Архетип - это предмет, человек, геометрический образ и даже какой-то сюжет. Архетипы получили свое отражение в сказках, мифах, религиях. Отвергаемое вторгается в сознание, в основном, в снах, в форме казавших бы нелогичных образов. Это и есть Архетипы, символы. Эти невятные образы и подавляемые побуждения давят на психику, создавая ощущение неустойчивости. В прежние времена человеку помогала религия: сама впитавшая в себя архетипы, она помогала ввести их в Сознание, чем и достигалась целостность Сознания и Бессознательного, разума и инстинктов. По этой причине Юнг, сам не будучи католиком, очень высоко ставил католичество. Современный человек - протестант, атеист или "полуатеист" такой поддержки лишен. Вместо того, чтобы полностью использовать таинщиеся в Подсознании жизненные силы (*либидо*) - человек их пугается и с ними борется. В тяжелых случаях возникает невроз. Что же нужно? Чтобы Я поняло и приняло образы Подсознания, признало Тень как часть своей личности (Тень ведь не хуже, чем Я, а просто откровеннее). Архетипы, приходящие в снах, помогают это сделать. Осознав свою Тень, человек восстанавливает свою целостность. Маска исчезает - она уже не нужна, а из слияния Я и Тени возникает полноценная сбалансированная личность, в распоряжении которой все ресурсы психики. Ее называют *самостью* от слова Сам. Этот процесс Юнг назвал *индивидуацией*. Но в одиночку пройти этот путь очень трудно. Первое побуждение Я - не принять свою Тень, а разрушить ее - очень уж она страшная! А для личности это очень опасно. На помощь приходит психотерапевт. В процессе лечения пациент рассказывает психотерапевту свои сны, а тот выявляет в них архетипы, расшифровывает символы, и объясняет человеку то, что тот сам от себя пытается скрыть. Так подсознательные образы вводятся в Сознание, Я и Тень объединяются, возникает Самость. Невроз преодолен, и человек готов к решению задач, которые ставит перед ним жизнь. Юнг и его последователи выявили целую систему символов и архетипов. Отношение к теории Юнга у психологов неоднозначное, но для нас в данном случае важно, что обмануть психотерапевта, просто сочинив сон, практически невозможно: архетипы, символы подчиняются определенным законам, и всякая отсебятина тут же выживется. Заметим: все сказанное верно не только по отношению к отдельному человеку, но и к обществу. Вдумайтесь - и вы поймете, что, например, советское общество было крайне невротично.

В упомянутой книге О'Нейл проводит профессиональный психотерапевтический анализ некоторых героев (Билбо, Фродо, Гэндалфа) и даже обществ - Средиземья в целом, Нуменора. При этом выявляются некоторые психологические тонкости, которые могли остаться незамеченными читателем. Попытаюсь воспроизвести ход этого анализа на примере Билбо - он самый простой. О'Нейл предлагает неожиданный прием: он анализирует повесть "Хоббит" так, как он анализировал бы сон пациента.словно Билбо пришел к психотерапевту и рассказал свой сон. Что же получилось?

Вначале мы видим: Маска (состоятельный и добропорядочный хоббит) почти совсем поглотила Я. А ведь в подсознании - наследственность Туков. Как мы знаем, окружение Билбо ко всяким экстравагантностям относится подозрительно, и Билбо подчинился этому, хоть и чувствует какую-то неправильность своей жизни. Но изменить ее ему не хватает решимости. Однако подсознание врывается сном. Снятся приключения. Появляется тропь - юнговский архетип "Страшный зверь" - неосознанные мощные силы Подсознания, Либидо требуют выхода. Эпронд - архетип "Мудрый старец", учитель жизни. Природа Эпронда двойственна, он человек-эльф - это символ уравновешенности. Он читает на карте лунные руны. По Юнгу для мужчины Луна связана с Подсознанием, а Солнце - с Сознанием.

Итак: Билбо необходимо овладеть своим Подсознанием. Спуск под гору - это и есть обращение к Подсознанию. Там Билбо встретил Голлума - свою Тень. Билбо испуган и хочет убежать наверх, но без по мощи Голлума он этого не может (для обретения Самости нужно понять и принять Тень!). Их загадки в темноте - схватка Сознания и Подсознания. Это центральный эпизод повести (и очень важный во всей эпопее), он захватывает читателя, несмотря на свою 'детскую' форму. Все загадки - известные архетипы. Все, что загадывает Билбо - символы сил Сознания: яйцо - око Сознания, еда - материальный мир, солнце - Сознание. Все, что загадывает Голлум - архетипы стихийных, подсознательных сил: ветер, тьма, корни гор, рыба. Я и Тень встретились на грани Света и Тьмы. Кольцо - символ идеального баланса - связало их. И Билбо - умница! - не убил Голлума, не отверг свою Тень. Этим он отверг бы возможность баланса собственной души, а заодно изменил бы все будущее Средиземья.

Кольцо у Билбо, и он на пути к обретению цельности психики. Билбо меняется на глазах, в нем словно постепенно просыпаются дремавшие раньше смелость, ум, решительность. Меняется и его роль в маленьком отряде. Следует встреча с человеком-оборотнем Беорном, существом настолько близким к природе, что разрыва психики у него просто нет. Как мы помним, Беорн благосклонно отнесся к нашему хоббиту - почувствовал, как близок тот к балансу. Далее появляется Смауг. Дракон - смесь змеи и птицы, весьма распространенный в психоанализе архетип - это символ объединения противоположностей: Я и Тени. Недостаток времени не позволяет мне проследить, как в разговоре Билбо со Смаугом проходят архетипы Сознания и Подсознания, их связи, мощь сил подавленного Либида.

Появление Аркенстоуна - совершенный кристалл, идеальная симметрия - символизирует возникновение Самости и завершение Индивидуации. Создав свою Самость, Билбо находит в себе силы отдать драгоценный камень. Золото также не имеет теперь над ним власти. Для него перестало быть важным, что о нем думают другие - Маска исчезла. Вместо добропорядочного и скучноватого хоббита появился Друг Эльфов и Поэт. И первым эту перемену заметил Гэндальф.

Анализ "Симариллиона" и "Властелина колец" интереснее, но значительно сложнее. Многие при этом приобретает новый аспект. Так, для меня было неожиданным определение Гондора как крайне невротического, несбалансированного общества. В этом свете безумие Денетора обусловлено не только влиянием Палантира.

Почему же такой анализ оказался возможен? О'Нейл объясняет это тем, что Толкин настолько полно вжил в насыщенные архетипами подлинными мифы и сказки, что созданный им мир находится в гармонии с человеческим Подсознанием, с психологическим наследием человека. Более того, погружение в созданный Толкином мир отчасти восполняет утраченную современным человеком способность воспринимать архетипы, помогает от нашей неестественной жизни и психики вернуться к Норме.

Теперь перейдем к транзакционному анализу. Его автор Эрик Берн - современный психоаналитик, создатель практического аппарата, позволяющего понять и выправить человеческое поведение. По Берну - и тут я тоже максимально упрощаю - психика нормального взрослого человека может находиться в одном из трех состояний: *Ребенок* (человек как бы временно превращается в того самого ребенка, которым он был в детстве), *Родитель* (человек как бы отождествляет себя с одним из родителей, учивших его когда-то уму-разуму) и *Взрослый*. Переход из одного состояния в другое может происходить мгновенно и часто для самого человека незаметен. У каждого состояния есть свои положительные и отрицательные стороны. Ребенок - непосредственный, любознательный, но безответственный. Родитель - хранитель традиций общества, он консерватор. Взрослый - это исследования, умозаключения, решение всевозможных жизненных задач и умение брать на себя ответственность.

Общение двух людей Берн называет *транзакцией*. При этом каждый из них, находясь в одном из своих состояний, обращается к одному из состояний собеседника. В процессе транзакции состояния обоих ее участников могут меняться. Анализ транзакций позволяет много узнать о собеседниках.

Следить за транзакциями в эпопее Толкина очень интересно. Полнее осознаешь, например, что Голлум - всегда Ребенок, у него просто нет других состояний, и потому он, пожалуй, самый трагический персонаж эпопеи. К хоббитам большинство вначале обращается как к Ребенку (ведь они такие маленькие!), но потом отношение меняется. Это очень заметно при первой встрече Фродо и Арагорна. Забавно, что в Гондоре к Пипину - а он-то как раз почти ребенок! - все относятся как к Взрослому.

У разных людей частота появления того или иного состояния разная. Но в каждом состоянии человек должен получить соответствующие радости, удовлетворение, иначе ему чего-то будет не хватать.

Рискну предположить, что один из секретов популярности книг Толкина в том, что они отвечают требованиям всех трех состояний. Ребенок власть упивается приключениями, Родитель с удовлетворением ощущает под ногами незыблемую почву вековых традиций, а Взрослому открывается безбрежный простор для анализа. Такая 'универсальность' в литературе не часто встречается.

Итак, психоанализ представляет возможность понять еще некоторые стороны любимого нами мира. И в этом направлении, как выразился незабвенный Кола Брюньон, 'осталось еще корму без передышки на три года для трех ослов'.

В ближайших выпусках "Резвого пони" читайте доклад
М.А.Фиглин на 2-м Большом Толкиновском Семинаре -
"Еще раз о Толкине и Юнге"

**Теория Л. Н. Гумилёва
применительно к истории Средиземья**
(доклад Францила на 2-м Всесоюзном Туминовском Семинаре)
Продолжение окончания. Начало см. в №№ 1 (4), 2 (5) с.г.

5. The Kingdoms in Exiles. Арнор (окончание).

Рассмотрим историю Арнора: в 861 году ТЭ королевство распалось на три части, а перед лицом англосаксонской угрозы такой шаг был весьма неуместен — это и было наступлением фазы обскурации. Дальняя окраина — Рудаур и Ангмар быстро образовали химерную целостность, ибо удержать совершенно непохожий на Эриадор этноландшафтный регион, населённый этносами-реликтами Второй эпохи, можно было только силой, а сил таких у Арнора уже не было. В Кардолане же монотонный ландшафт и, следовательно, монокультурность хозяйственной деятельности при малой населённости не дали необходимого для жизнестойкости многообразия этнической структуре. Война с Ангмаром 1409 года и чума 1636 года привели к исчезновению Кардолана, ибо чума одинаково поражает и пассионариев и субпассионариев, но, чтобы подняться после чумы, этносу нужны пассионарии, а их и вовсе не осталось.

Артедаин сумел преодолеть фазу обскурации, используя союз с эльфами и сохранив себя, благодаря разнообразию ландшафтов, некоторую гибкость этнической системы, и к середине XV века ТЭ вступил в мемориальную фазу ($900+200 \times 3=1500$, где 900 — условное время окончания инерционной фазы нуменорского этногенеза, 200 — средняя продолжительность фазы обскурации, 3 — коэффициент, на который умножаются длительности всех фаз этногенеза, чтобы учесть трехкратную по сравнению с прочими людскими народами продолжительность жизни у потомков нуменорцев в Средиземье). Оборона королевства держалась пограничниками-пассионариями, стояцы же увядали всё быстрее и быстрее, а к 1974 году их уже некому было защитить, и новый удар англосаксонской антисистемы (англосаксы, подобно умбарским морским пиратам, были пиратами сухопутными) уничтожил героический, но обречённый Артедаин. Выжили только далекие от мест ведения войны слабопассионарные хоббиты да брийские крестьяне, а также всё те же пограничники-дунаданы, небольшой к тому времени субэтнос, сохранивший этническую традицию и не погибший лишь по причине вмешательства Гондора, которое положило конец англосаксонской химере. Сколь невелика была пассионарность даже у северных пограничников, свидетельствует численность отряда Халбарада: дружина из 30 человек — вот и весь «пассионарный фонд», оставшийся у Севера.

6. The Kingdoms in Exiles. Гондор.¹

Но вернёмся на юг.

Гондор в общих чертах повторил бы судьбу Арнора, но пассионарный толчок 1 г. ТЭ, не ломая традиций, унаследованных от владык Андуниз, дал рождение новому суперэтносу — гондорскому. В него, как начальные компоненты, вошли нуменорцы из Андуниза, нуменорцы-жители поселений, основанных на берегах Белфаласа (в том числе Пелаггира и Дол Амрота), а также разнообразные древние племена и народы Семиречья от Андраста до дельты Андуниза, от побережья до Белых гор. Вспомни сбор войск в Минас Тирите перед битвой на Пеленнорских полях: несмотря на то, что к 3019 г. ТЭ Гондор находился уже в середине инерционной фазы, т.е. войну должна была вести профессиональная армия (а много представители суперэтноса инерционной фазы и помыслить не могли), все гондорские провинции прислали подмогу, пусть немногочисленную.

Что же за идея объединила столь различные, на первый взгляд, этнические элементы?

Доминантой гондорского суперэтноса стала вера (подобно тому, как вера христианская содала Византию), а также осознание Гондора как единственного оплота и защитника этой истинной веры. Толкин исключил из текста «Властелина колец» какие-либо упоминания о религиозных культах, но по речам Фарамира в Хеннэт Ангун, описаниям церемоний при гондорском дворе и некоторым фрагментам из «Unfinished Tales» можно понять, что гондорский, а ранее и нуменорский, Короли одновременно обладали и высшим духовным саном, олицетворяя, таким образом, королевскую власть как власть данную свыше, а Короля — как человека, облечённого этой властью, но одновременно и ответственного перед Богом за вверенное ему владение. Таким образом, Король не имел права на произвол и безразличен к тем, кто этим правом злоупотребляет, не пользовался доверием подавляющего большинства гондорцев, и Кастальмир (тому пример), а народ чтит Короля как исполнителя высшей воли на земле, а потому с готовностью шёл на битву и на труд.

Подобная система существовала и в Византии, где басилевс допускался к участию во Вселенских соборах, т.е. принадлежал к кругу высшего духовенства, но был подотчётен патриарху, как своему духовнику. Патриарх же зависел от императора как высшей светской власти и помазанника божьего, но без благословения патриарха войско не пошло бы в бой. «Силы духовная и светская уравновешивали друг друга, вследствие чего новая этническая целостность была крепка», — пишет Л. Н. Гумилёв.

Также, хотя несколько по иному принципу, организовался и гондорский суперэтнос: на деле в Гондоре властвовали не император-диктатор и не теократия (особенно во времена Наместников), но диктатура совести, выраженная в догматах веры и в законах. Но, как известно, самые чистые каноны вероисповедания и наисправедливейшие законы могут быть обращены в свою противоположность (например, инквизиция времен Торквемады или СССР с самой демократичной конституцией того времени — сталинской). Посему определяющим является то, чему вера и законы являются индикатором, а именно система стереотипов поведения, складывающаяся из отношений на уровнях:

- 1) персона — персона,
- 2) субэтнос — персона,
- 3) субэтнос — субэтнос.

¹ При написании этого и последующих разделов доклада автором использованы цитаты и сведения из собрания работ Дж. Р. Р. Толкина «Unfinished Tales» в переводе С. М. Печкина, за что автор доклада выражает автору перевода сердечную благодарность.

- 4) этнос — субэтнос,
5) этнос — природа.

И принцип диктатуры совести соблюдался на всех пяти уровнях, вот почему Гондор сумел выстоять и во внешних войнах, и во внутренних усобицах, сохранив лояльность всех составляющих суперэтноса центральной власти, а также и кормящий ландшафт. Тот же симпатичный принцип помог Гондору найти искренних и верных союзников на Севере и в Долинах Андуина, а также в течение довольно длительных периодов времени мирно сосуществовать с воинственным и опасным Харадом.

Продолжавшийся к началу ТЭ процесс нуменорского этногенеза наложился на процесс, начавшийся в результате нового пассионарного толчка, но не повлек за собой каких-либо внутриаитических столкновений, ибо система была гибка. Дунаданы-нуменорцы нашли своё место в обновлённом суперэтносе как победоносные воины, не изменив при этом присущий нуменорцам стереотип поведения: гордость, суровость, некоторую отчуждённость и довольно высокомерное отношение ко всем прочим народам. Рыцари Дол Амрота и династия Наместников — вот примеры нуменорских субэтносов и консорциев, доживших до конца ТЭ в гондорской среде.

История Гондора I тыс. ТЭ — история великих военных побед и мирных деяний. Конечно, главный враг — Саурон — в то время отсутствовал в Средиземье как деятельная сила, но опасностей у Гондора и без него было немало. Тем не менее, сначала к 590 г. Ромендаки I и Турамбар разбили восточное нашествие (а те племена — назовём их условно "истерлинги-1" — тогда находились на самом пике акматической фазы, так как были подняты тем же пассионарным толчком широтного направления, что и Гондор, т.е. были очень сильны), а к 1050 г. Хьярмендаки I блокировал Умбар и усмирил Харад (правда, ненадолго: меридиональный пассионарный толчок, по всей видимости, 1000 г., прошёл через пустынную северную часть Туманных гор, Ирисные низины, ненаселённые Дикие земли к востоку от Андуина и Мордор и, наконец, через Кланд и Ближний Харад. В результате к 1500 г. Юг вновь стал беспокоен и могуч и освободился от гондорской зависимости).

В это же время — до 1000 г. — Гондор распространил своё влияние на Каленардон и в какой-то степени на Энедвайт, обрёл господство на море и побережьях. Были построены новые и отреставрированы старые города: Оспилят, Минас Анор, Минас Итил, Пеларгир.

Но ход природных процессов неумолим, и эпоха королей-строителей и Морских Королей, королей-отцов державы, сменялась эпохой королей-цезарей, королей-себялюбцев: наступила акматическая фаза. Атанатар больше радел о собственном покое, нежели о Королевстве, а зря: на Дол Гулдуур уже пала тень, тревожно стало на мордорских границах, а гондорские пассионарии стали ненадёжны. До вооружённых столкновений дело пока не доходило, но явно шла борьба идей и стремлений по принципу "все против всех", не случайно в Приложении А к «Властелину колец» сказано, что Ромендаки II вдруг стал испытывать нужду в людях (надо понимать, в *верных* людях, а ведь прежде такого не случалось!), а потому привлек к себе северян.

Северяне к XIII в. ТЭ находились в гомеостазе. Пассионарный толчок 1000 г. фактически не задел их, так как жили они в те времена в основном к востоку от Великого Зеленолесья, а ось толчка прошла по долине Андуина. Великий лес же, как ландшафт монотонный и малонаселённый, да ещё более опустевший после появления назулов, никак не способствовал дрейфу пассионарности к востоку.

Таким образом, северяне были консервативны, но искренни в своих симпатиях и антипатиях, поэтому небольшие пограничные инциденты на северных границах Гондора прекратились, а Королевство обрело новые силы, ибо в результате интеграции Рованиона система, в акматическую фазу очень гибкая, усложнилась: Север получил из Гондора пассионарность, что не добавило спокойствия внутренней жизни Королевства, но это же и спасло Королевство в конце II тыс. ТЭ.

Объединение Севера и Гондора стало формальным поводом для мятежа Кастамира, но, когда пассионарная энергия ищет себе выход, повод найдётся всегда. Усобицы в Гондоре не были случайны, природные закономерности брали своё. Но здесь-то и проявляются последствия содеянного в прошлом, часто весьма далёком: одни государства рушатся и не поднимаются более, народы исчезают, оставив лишь имя, а иные переживают тяжёлые дни, но после словно воскресают — и процветают. Описанная выше система стереотипов поведения гондорского суперэтноса выдержала испытание временем.

При рассмотрении отношений северян и Гондора напрашивается параллель с отношениями между готами и Византией, но сходство здесь лишь внешнее. Готы в IV — VI вв. находились в акматической фазе и расселились по всей Европе, основав несколько королевств, но их энергия не нашла себе применения в какой-либо стройной системе, поэтому племена готы или погибли, или растворились среди народов покорённых ими же стран. С Византией готы поначалу враждовали (не только из-за неких материальных приобретений, но и потому, что готы, как и прочие германские племена, исповедовали христианство арианского толка, кое в Византии было осуждено на Вселенском соборе 381 г. в Константинополе как ересь), затем, после бурных событий, описание которых заняло бы немало места, часть готов поселилась на дунайском рубеже, выполняя роль пограничников, а затем готы и вовсе перестали существовать как самостоятельный субэтнос в составе Византии, так как доминантой византийского суперэтноса было православие, а не национализм, и индикатором отягчения этнических элементов были вопросы "Во что веруешь?" и "Как веруешь?" (т.е. ортодоксально или еретически), а основой единения — изречение "... нет ни Еллина, ни Иудея ..." (Кол. 3, 11). Готы, принявшие православие, сохранили жизнь, но потеряли самобытность.

Сохранившие же своё "варварство" в течение почти 100 лет (с 378 г. до 475 г.) держали в страхе всю Восточную Римскую империю, выиграв войну у императора Валента (сам император был убит в сражении) и захватив ведущие посты в государстве и особенно в армии. Но, оторвавшись от привычных ландшафтов и не имея возможности традиционно вести хозяйство, да к тому же при отсутствии этнической доминанты, стали жить за счёт местного населения, постепенно превратившись из этноса в одну из "партий", борющихся за власть. Хотя готы успешно воевали с внешними врагами (зачастую против своих же соплеменников-германцев), они же использовались императорами для подавления восстаний и сбора налогов, поскольку не были "своими" для принявших никейское исповедание византийцев. Всё это не могло вызвать симпатии к готам, и при императоре Зиноне готская клика была заменена на исаврийскую, не менее, впрочем, жестокую и чуждую народу, но и защищать готов никто не испытывал желания.

Иное дело — северяне и Гондор. Если сопоставление Гондор — Византия правомочно, то история средиземского Севера I — начала II тыс. ТЭ вовсе не похожа на готскую. До появления гондорцев на Севере племена и народы к востоку от Великого Зеленолесья жили, не покидая своего ареала, вели натуральное хозяйство и представляли собой разне что некоторые культурное и языковое единство, т.е. их этносы находились в статическом состоянии. Контакт с Гондором вовлек часть северян, а именно не слишком значительную числом часть их пассионариев и слабопассионарных личностей, в процесс гондорского этногенеза. Прочие же, когда мощь Гондора с началом фазы надлома умалилась, предпочли уйти дальше на Север и в Долины Андуина. Нашествие Возничих, чума, война с

Ангмаром раскололи Север на две части: оставшиеся с Гондором, в отличие от готов Византии, сохранили самобытность даже к концу ТЭ (в хрониках постоянно встречается упоминание о различии потомков смешанных браков гондорцев и северян и коренных гондорцев-нуменорцев), да и вообще, если судить по сбору войск в Минас Тирите, гондорские народы мало перемешались между собой, сохранив довольно высокий уровень пассионарного напряжения, свойственный социознательской, а не социокультурной целостности.

Оставшиеся на Севере надолго пропали из поля зрения Южного Королевства, и тому есть свои причины, но о них позже. Итак, к 1800 г. (600×3=1800 — среднестатистический срок конца акматической фазы) ТЭ Гондор выбрался из бурной акматической фазы, на излёте коей при деятельнейшем участии вошедших в суперэтнос северян сумел добиться в 1810, 1944 и 1975 гг. трёх знаменательных побед: в 1810 г. была уничтожена умбарская химера, в 1944 г. — окончательно разбиты Воачиче, и угроза из степей Руна надолго миновала, а в 1975 г. пришёл черёд химеры ангмарской.

Это, однако, был последний взлёт, поскольку за ним наступил надлом. В летописях о времени между 2000 г. и 2475 г. ТЭ почти ничего не сказано, но факты налицо: гондорцы окончательно отступают за Андуин, теряя связи с Севером; мордорский рубеж не охраняется; Минас Итил и Остилат разрушены, их Палангири утрачены; Каленардон опустел; влияние на Энедвайт утеряно полностью; харадримы, вошедшие к 1900 г. ТЭ в инерционную фазу, хозяйничают в Южном Гондоре и в Умбаре; на удержание Итилиена не хватает сил, остаётся лишь вести там партизанскую войну; освобождённый было после войны с Ангмаром Эриадор забыт прочно и надолго — это при взгляде извне. А внутри в это время угасла династия Королей, были преданы забвению альфийские традиции: "После Королей Гондор погрузился в "средневековье" упадка знаний и упразднения искусств", — как повествуется в «Unfinished Tales» в предании «Палангири». Страна, по всей видимости, утратила былую монолитность, отдельные районы и города к концу ТЭ стали почти самостоятельны, и лишь древнейший нуменорский род Наместников сумел остановить распад системы, возродив на новый лад нуменорскую же доминанту "Избранного Королевства" и "рагарёковское" мужество Первой эпохи. Духовные ценности отодвинулись на второй план — как и веде во времена надлома у гондорцев наблюдалась "утрата идеалов" — и Толкин отмечает это.

Дело в том, что в фазе надлома в любой этнической системе есть значительное число людей либо сохранивших идеалы минувшей акматической фазы, либо проповедующих ценности грядущей фазы — инерционной, но в целом поведенческий императив определяется словами "Мы знаем, мы знаем — всё будет иначе!", а как это "иначе", никто не знает, поэтому социальные реформы всегда запаздывают, законы "не работают", и, как следствие, часто возникают концепции с микроотрицанием в основе, что приводит не только к бессмысленным с точки зрения потомков разорительным гражданским войнам, но может привести к гибели и суперэтнос, и кормящий ландшафт, как это случилось с Нуменором², многими германскими народами I тыс. н.э. и чуть было не случилось с Россией в XX в.

Только с возвращением истинного Короля — а значит с возрождением прежней духовности (уже было сказано, что в Нуменоре и Гондоре Короли олицетворяли участие в судьбе страны высших сил) к Гондору пришла настоящая победа над Врагом. При Наместниках же — идеальной со всех точек зрения, но лишённой духовной значимости власти светской — все блестящие военные победы были обречены обернуться в конце поражением.

Тем не менее Гондор, опять же подобно Византии, преодолел и годы надлома, не допустив гражданской войны, и к 2400 г. ТЭ (800×3=2400 — среднестатистическое время окончания фазы надлома в истории суперэтнота) Гондор вступил в инерционную фазу. Система стала жёсткой, прочно утвердившись в своих естественных границах (как и Византия, к 800 г. установившаяся в пределах Греции и Малой Азии). Государство возглавляла Наместник, провинции были вполне самостоятельны, но по призыву Наместника местные правители обязаны были прийти с дружиной. Такой порядок напоминает каролингскую феодальную Европу с её порядками "Вассал моего вассала — не мой вассал" и "Nullum officio sine beneficio" (т.е. "Нет услуги без благодарности"), только островок бывшего Нуменора — Дол Амрот — придерживался старых принципов. Не следует считать, что гондорские рыцари и нобили конца ТЭ утратили всякие понятия о чести, совести и отечестве, но разница между нами и войнами и соратниками, скажем, Ромендакила I была такой же, как, если придерживаться византийских аналогий, между Иоанном Цимисхием и Велизарием. Армия стала профессиональной, цивилизация приняла техногенный характер.

Инерционная фаза часто сопровождается расцветом культуры. На деле этот расцвет является следствием накопленного этносом за предыдущие фазы этногенеза духовного опыта; в инерционную фазу устойчивый порядок даёт возможность заниматься науками, искусством, литературой и сохранять произведения в целостности, а уровень пассионарного напряжения уже недостаточен, чтобы заниматься переустройством мира (такие люди есть, но в завершающих фазах этногенеза они выглядят "белыми воронами", хотя именно они спасают этнос от гибели при внешней угрозе. Шарль де Голль и Уинстон Черчилль — примеры из самого недавнего прошлого). Однако для занятий бизнесом или изучения прошлого пассионарности вполне достаточно. Хотя в Гондоре древние знания и были во многом забыты, но по замечаниям Гимли об архитектуре Минас Тирита, по присутствию таких персонажей, как Фарамир или Главный Управитель Обитателей Целения, видно, что образование в Королевстве стояло на довольно высоком уровне, а науки и искусства развивались, пусть и в утилитарном приложении.

Традиционная гондорская внешняя политика (как тут не вспомнить блестящую византийскую дипломатию!) вновь принесла успех. Союз с Роханом (на сей раз именно союз, а не инкорпорация: изменить себя гондорцы уже не могли), заключённый дальновидным Кирином, обеспечил Королевству возможность вести маневренную кавалерийскую войну, которую орки и харадримы вести просто не умели и терпели поражения, а тяжёлая конница истерлингов не могла найти себе применения в мощном ударе. Дело, конечно, не столько в коннице, сколько во взаимном доверии двух государств, ведь надёжными и полезными могут быть только искренние союзники.

Описанное упорядочение при медленном остывании пассионарности, возможно, и блекнет по сравнению с годами подъёма, но гарантирует системе внутреннюю безопасность и устойчивость ко внешним воздействиям.

И действительно, ни атаки из Мордора, ни нашествие балхотов, ни Долгая Зима, ни вновь активизировавшийся Харад не смогли нанести Гондору стратегического поражения. Несмотря на высокопарные речи Боромира и Денетора II, у Южного Королевства ещё были силы, и немалые. Битвы на Пеленорских полях и у ворот Изенмуота никогда не были бы выиграны, если бы Гондор на самом деле "бился из последних сил". Гондор 3000 г. ТЭ соответствовал Риму времён Траяна или Византии Македонской династии.

Итак, почему же исчез древний Рованион, а вместо него к середине III тыс. ТЭ на картах вдруг оказались Дэйл, Эсгарот, Бсоринги и рохирримы?

² См. 4-ю часть доклада, «Резвый пони» №1 (4), 1996.

Продолжение — в следующем номере.

Моргуа, 1966

... Два с лишком года минуло с тех пор, как таинственное облако над Туманной скалой укрыло от погони Волкодава и его спутников. Но, поколе в силах и живой, мог ли Волкодав не быть защитником Правды, Красоты и справедливости в мире, который любил? И вот он снова здесь, среди нас ...

Сегодня мы начинаем публикацию глав из книги «Волкодав—II», любезно предоставленных автором — Марией Семёновой — специально для «Резвого Пони».

Мария Семёнова

Волкодав — II

(главы из романа)

Специально для читателей «Резвого Пони»

*Я — меч. Прославленный кузнец
Меня любовно закалял.
Огонь Творящий — мой Отец.
А Мать — глубокая Земля.*

*Вспору кольчугу, как листок,
Чертя свистящую дугу.
Пушинка ляжет на клинок —
И распадется на лету.*

*И всё ж не этим я силен.
Иным судьба моя горда:
Я Божьей Правдой наделён
И неподкупностью суда.*

*Когда исчерпаны слова
И никакой надежды нет
Понять, кто прав, кто виноват, —
Спроси меня! Я дам ответ.*

*Суров мой краткий приговор:
Всеми на свете есть цена!
Огнём горит стальной узор —
Священной вязи письмена.*

*Закон небесный и земной
Навеки вплёл в себя мой нрав...
И потому хозяин мой
Непобедим, покуда прав.*

Сломанные крылья

ты знаешь, друг Волкодав, почему он так называется? — спросил Эврих.

Крутая каменная тропа, по которой местами приходилось взбираться на четвереньках, вывела их на гребень очередного обрывистого кряжа, поросшего великолепными елями. Здесь, наверху, обнаружилась небольшая площадка. За нею вздымался к небесам очередной кряж — почти голое нагромождение чугуно-серого камня, лишь кое-где украшенного зеленью да жёлтыми и малиновыми пятнышками цветущих кустов. Кряж обрывался на площадку отвесной стеной, отполированной дождями и ветром до тёмного блеска. Так блестит неподвластный ржавчине старинный металл.

— Так ты знаешь, откуда у него такое имя? — кивая в сторону утёса, повторил Эврих.

— Ну?... — спросил Волкодав больше для того, чтобы аррант наконец выговорился и умолок.

— В книге Салегрина Достопочтенного «Описание стран и земель» приводится легенда о том, что когда-то в древности здесь обитало племя крылатых людей. Так вот, когда эти люди чувствовали приближение смерти или по какой-то причине утрачивали способность летать, они приходили на этот

утёс и бросались с него вниз. Потому-то он и называется Утёсом Сломанных Крыльев. Прекрасная легенда, не правда ли?

— Правда, правда, — пробурчал Волкодав, размышляя про себя, почему это у книжечеев вроде Эвриха что ни легенда, то обязательно прекрасная. Даже какая-нибудь непроходимая гадость вроде предания о том, как саккаремский шад застучал свою дочь с конюхом и велел её утопить, привязав к ногам полный мешок золота.

А Эврх в который раз огорчённо подумал о том, что варвар всё-таки неспособен был внимать высокой поэзии.

И вот тут-то Волкодаву разом стало не до него. И уж вовсе не до бредней какого-то там Салегринна. Ибо Мышь, только что мирно дремавший на жёсткой ремённой петельке, пришитой к ножнам меча нарочно ради него, вдруг проснулся, выполз на плечо Волкодаву и обеспокоенно зашипел. А потом развернул чёрные крылья и свечой взвился вверх!

Как все летучие мыши, он предпочитал бодрствовать по ночам. Но жизнь с Волкодавом давно приучила зверька просыпаться и действовать в любое время суток, когда было необходимо.

Вени проводил взглядом стремительно возносившееся пятнышко... и острые глаза внезапно различили какое-то шевеление высоко наверху, за самой кромкой обрыва. Волкодав напряг зрение. К отвесной круче медленно, с трудом подползал человек. Вот появилась голова, вот свесились длинные волосы, вот напряглись тонкие руки, цеплявшиеся за выступы камня. Сейчас они сделают последнее усилие и...

Эврх испуганно шарахнулся прочь: Волкодав молча швырнул наземь заплечный мешок и слюма голову кинулся через площадку вперёд. Молодой аррант сообразил, что к чему, только когда сверху вниз мимо тёмно-серой скалы заскользил, переворачиваясь в воздухе, лёгкий человеческий силуэт.

Что до Волкодава, — казалось, будто тело падало очень медленно, паря возле каменной стены, словно комок невесомого пуха. Он знал, отчего так происходило. Внешнее время всегда замедляло для него свой ход, когда он выкладывался до конца, а сейчас был именно такой случай. Волкодав успел оказаться как раз там, где должно было грянуться оземь валившееся из поднебесья тело, и вскинуть руки навстречу. Он успел заметить, что тело было женским, что на изорванной одежде запеклись багровые пятна... успел даже разглядеть обезображенное побоями лицо с закрытыми глазами и прикушенной нижней губой. Коснувшись его ладоней, тело сразу перестало быть невесомым. Страшной силы удар опрокинул вени на камни. Валься навзничь, он ещё подумал, что, кажется, всё-таки смягчил падение неведомой женщины. Потом он ударился виском, и сознание кануло в темноту.

Что бы там ни плёл этот Салегрин Достопочтенный, крылатых людей всё-таки не бывает...

Когда Волкодав пришёл в себя, первым звуком, достучавшимся до его слуха, был жалкий стонущий плач. Мышь?... Нет, не Мышь. Что-то твёрдое упиралось в левый висок, и там свила гнездо грызущая боль. Волкодав слегка отстранил голову, потом открыл глаза. Он увидел над собой острое каменное ребро, украшенное длинной полосой крови. И понял, что Незванная Гостья в который раз с ним разминувшись, промазав на пол-ноготка. Волкодав приподнялся на локтях и посмотрел в ту сторону, откуда слышался плач.

Эврх сидел на земле, прислонившись спиной к откосу, и баюкал на руках существо, спасённое благодаря чужу Богов и вмешательству Волкодава. Молодой аррант повернул голову и посмотрел на вениа с выражением потустороннего ужаса. Увидел, что Волкодав зашевелился, и ужас в глазах сменился неописуемым облегчением. Волкодав поднялся и подошёл, осторожно ощупывая рассечённый висок и пытаясь пристроить на место лоскут кожи с волосами, содранный о камень.

Та, что лежала на коленях у Эвриха, на первый взгляд казалась девочкой-подростком. Изысканное, хрупкое тело, по-птичьи лёгкое в кости. Изодранная одежда и кровавые синяки, уродовавшие почти обнажённую плоть...

И ведь, наверное, ещё жило и сыто радовалось собственной силе похотливое животное, по недосмотру Богов именовавшееся человеком. Мужчиной...

Эврх, кажется, успел убедить несчастную прыгунью, что она наконец попала к друзьям. Она не пыталась высвободиться из его рук. Наоборот, хваталась слабыми, совсем детскими пальцами за полотняный рукав и, надрываясь беспомощным плачем, что-то лопотала на странном свистящем наречии. Если этот повсист и щёлканье вообще можно было назвать речью, Эврх не мог разобрать ни единого знакомого слова.

— Я обращался к ней на всех языках, которые знаю, — сказал он Волкодаву. — Не понимает, хоть тресни. Только свиритит, как синица.

Вени, не отвечая, опустился рядом на колени. Взял девушку за руку, зажмурился... И, к полному изумлению Эвриха, принялся посвистывать и цокать, совсем как она.

Ещё одно чудо состояло в том, что девушка встrepенулась, кое-как приоткрыла заплывшие кровоподтёками глаза и начала отвечать. Она давилась слезами и дрожала в жестоком ознобе. Эврх запоздало расстегнул на себе пряжку, стащил тёплый плащ и закутал её. Он поглядывал на Волкодава, и то, что он видел, ему очень не нравилось. Вообще-то лицо у вениа было не выразительнее соснового пня. Когда на подобном лице вдруг проявляется хладнокровная нестратимость убийства, это кое-что значит.

— Она вилла, — выпустив руки девушки, сказал наконец Волкодав. — Из племени Детей Утреннего Тумана.

Эврх молча кивнул, сдерживая не к месту пробудившееся любопытство. Виллы... Именно так назывался мифический крылатый народ, о котором упоминал в своей книге добродетельный учёный землепроходец. При других обстоятельствах аррант непременно пустился бы в расспросы и, пожалуй, составил бы неплохое дополнение к знаменитому "Описанию". Но не теперь.

— Помнишь наёмников, — про них мальчишка Браноха всё говорил?... — продолжал вени. — Так вот, она увидела их нынче утром, когда возвращалась после ночного дождя. Это был её первый дождь. Люди шли без дороги, она спустилась узнать, не заблудились ли, не терпят ли какого несчастья. Они подстрелили её смирлана...

MORFY © 96

MORFY 1906

13

Волкодав скрипнул зубами и замолчал. В том, что произошло дальше, никакого сомнения быть не могло.

— Плохо дело! — сказал он затем.

Эврих с бесконечным участием гладил ладонью грязный колтун, в который чья-то жестокая воля превратила некогда роскошные светлые пряди. Он вздохнул и хмуро согласился:

— Чего уж хорошего.

— Сюда летит её племя, — сказал Волкодав.

Эврих поспешно завертел головой... И глазам его предстало великолепное зрелище, любоваться которым доводилось не всякому земному владыке. Из-за высокого каменного гольца — родного брата Туманной Скалы, украшенного белой бармицей снежника — один за другим выплывали в небо могучие крылатые звери. Легендарные симураны были гораздо крупнее орлов, даже крупнее знаменитых саккаремских беркутов, с которыми тамошние охотники травят волков. Издали небесные летуны напоминали больших поджарых собак, снабжённых от Божьих щедрот ещё и широченными перепончатыми крыльями. У каждого на спине, касаясь коленями перепонки, сидел всадник.

Волкодав встал с земли и приветственно поднял правую руку. Мыш повис в воздухе у него над головой.

Симураны быстро снижались, и скоро стало заметно, что всадники были так же хрупки и невелики ростом, как и девушка, лежавшая под мягким шерстяным плащом.

Честно молвить, у Эвриха ёкнуло сердце, когда передний симуран, буровато-чёрный вожак, поднял крыльями вихрь, величественно опускаясь на каменную площадку. Мыш поспешно вцепился в плечо Волкодаву: маленького зверька едва не унесло прочь. Со спины симурана соскочил поджарый, крепкий седовласый мужчина. Гордое лицо, властная осанка — вожды! И кому какое дело, что ростом этот вождь был Волкодаву до середины груди. Вени поклонился ему, как младший старшему. И просвистел нечто, по мнению Эвриха, весьма отдалённо напоминавшее связную речь.

Другие симураны касались когтями угловатых камней. С мохнатых спин скатывались маленькие наездники, все — мужчины, — и спешили к арранту и его подолючной. Первым подбежал коренастый светловолосый крепыш в безрукавке из какого-то пушистого белого меха. Если Эврих ещё не ослеп, он приходился девочке родным отцом. С ним подошел рыжий парнишка, вооружённый небольшим самострелом, приспособленным в чехле за спиной. Брат? Жених? Парнишка плакал, даже не пытаясь скрыть слёзы ярости и отчаяния.

Вождь поклонился Волкодаву, как равный равному. И вдруг вполне прилично выговорил по-венски:

— Дети Утреннего Тумана рады приветствовать Волкодава, Брата Крылатых, на границе своей земли.

Нет такого народа, у которого не считалось бы вежливым в присутствии гостя разговаривать на его языке. И радостно приветствовать его, каким бы чудовищным ни было горе, совпавшее с его появлением.

Много позже Эврих замучит Волкодава вопросами, откуда мог впервые встреченный вилинский вождь знать его имя и разуместь речь его племени. И вени неохотно расскажет ему, что когда-то имел дело с вилами Самоцветных гор. И постиг там их речь, а они — его. А то, что знал хоть кто-то из вилл, рано или поздно становилось достоянием всех.

— Мы почувствовали, что наша сестра попала в беду, и искали её, — продолжал вождь. — Мы были рядом, но она ослабела и лишилась симурана. Ты помог ей позвать нас. Спасибо тебе.

— Она встретила вырождков, не заслуживших называться людьми, — сказал Волкодав. — Я не успел защитить её, Отец Мужей.

— Там, откуда они пришли, отныне будут только суховей и град!.. — давась болью и бешенством, выкрикнул рыжеволосый. Сдёрнул со спины самострел и потряс им над головой: — И ни один из Бескрылых более не переступит границ нашей земли!..

— А залогом тому, — со смертельным спокойствием поддержал парня светлородый отец, — станут шкуры злодеев, подвешенные у входов на тропы. Я рад буду погибнуть, чтобы совершить эту месть. Они не успели уйти далеко!

Виллины одобрительно засвистели. Взволнованные симураны били крыльями, издавая отрывистый лающий клёкот.

Вождь молчал, поглядывая то на разгневанных братьев, то на изувеченную сестру. Тому, кого по достоинству называют Отцом Мужей, всегда бывает нелегко принять страшное решение о мести и кровавой вражде.

— Государь мой, — сказал Волкодав. Оказывается, он успел вытащить из поясного кармашка короткозубый костяной гребешок и теперь не слеза распускал прочные ремешки, стягивавшие его косы. — Государь вождь, — повторил Волкодав. — Под сенью твоих гор живут добрые люди, никоим образом не повинные в случившемся непотребстве. Скажу тебе даже так, Отец Мужей: сольвенны и сегваны, чтящие Правду, рады были бы сами переловить мерзких насильников и совершить над ними справедливость!

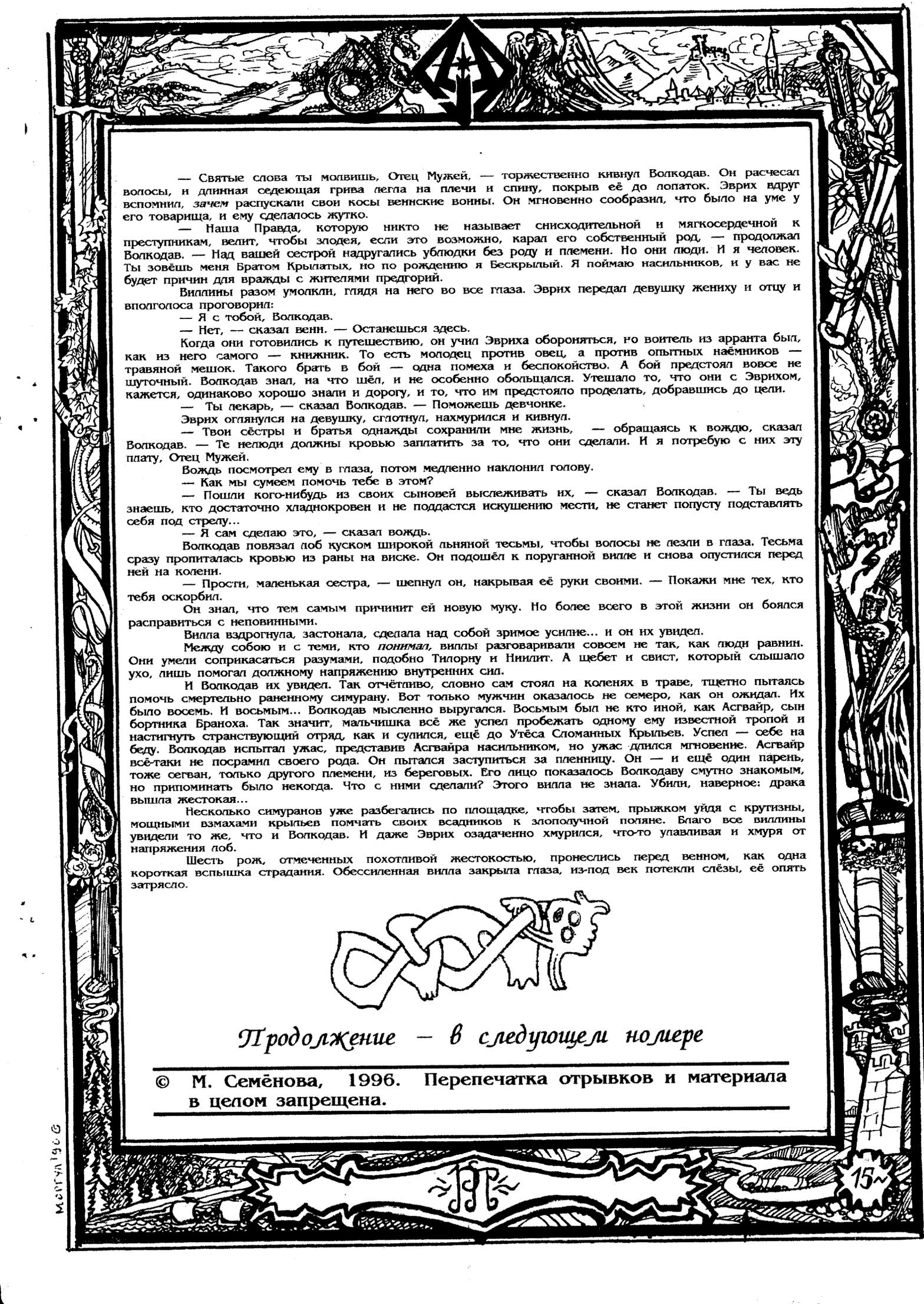
Обычно из него каждое слово нужно было тащить чуть не клещами. Эврих знал: вени принимался говорить длинно и складно только в исключительных случаях. После чего отмалчивался по две седмицы. До сих пор Эврих видел его в подобном состоянии всего раз или два.

— Это так! — горячо поддержал он спутника. — Прошлой ночью мы гостили у славного бортника, сегвана Браноха. Бранох рассказал нам, как пострадал от злодеев его почтенный сосед. Может статься, это были те же самые проходимцы? Тогда за что наказывать здешний народ?

Об Асгвайре, восхищённо блестящем глазами при слове 'наёмники', он благоразумно старался даже не думать.

— Что же ваши добрые люди не остановили тех, кто вершит зло?.. — выкрикнул рыжий.

— Брат Крылатых хочет защитить живущих вместе с ним на равнине, — сказал вождь. — Это достойно. Я знаю, у каждого племени своя Правда. Но я знаю и то, что ни одна из них не учит оставлять зло безнаказанным.

— Святые слова ты молвишь. Отец Мужей, — торжественно кивнул Волкодав. Он расчесал волосы, и длинная седеющая грива легла на плечи и спину, покрыв её до лопаток. Эврих вдруг вспомнил, зачем распускали свои косы венские воины. Он мгновенно сообразил, что было на уме у его товарища, и ему сделалось жутко.

— Наша Правда, которую никто не называет снисходительной и мягкосердечной к преступникам, велит, чтобы злодея, если это возможно, карал его собственный род, — продолжал Волкодав. — Над вашей сестрой надругались ублюдки без роду и племени. Но они люди. И я человек. Ты зовёшь меня Братом Крылатых, но по рождению я Бескрылый. Я поймаю насильников, и у вас не будет причин для вражды с жителями предгорий.

Виллины разом умолкли, глядя на него во все глаза. Эврих передал девушку жениху и отцу и вполголоса проговорил:

— Я с тобой, Волкодав.

— Нет, — сказал венн. — Останешься здесь.

Когда они готовились к путешествию, он учил Эвриха обороняться, но воитель из арранта был, как из него самого — книжник. То есть молодец против овец, а против опытных наёмников — травяной мешок. Такого брать в бой — одна помеха и беспокойство. А бой предстоял вовсе не шуточный. Волкодав знал, на что шёл, и не особенно обольщался. Утешало то, что они с Эврихом, кажется, одинаково хорошо знали и дорогу, и то, что им предстояло проделать, добравшись до цели.

— Ты лекарь, — сказал Волкодав. — Поможешь девочке.

Эврих оглянулся на девушку, сглотнул, нахмурился и кивнул.

— Твои сёстры и братья однажды сохранили мне жизнь, — обращаясь к вождю, сказал Волкодав. — Те не люди должны кровью заплатить за то, что они сделали. И я потребую с них эту плату, Отец Мужей.

Вождь посмотрел ему в глаза, потом медленно наклонил голову.

— Как мы сумеем помочь тебе в этом?

— Пошли кого-нибудь из своих сыновей выслеживать их, — сказал Волкодав. — Ты ведь знаешь, кто достаточно хладнокровен и не поддастся искушению мести, не станет попусту подставлять себя под стрелу...

— Я сам сделаю это, — сказал вождь.

Волкодав повязал лоб куском широкой льняной тесьмы, чтобы волосы не лезли в глаза. Тесьма сразу пропиталась кровью из раны на виске. Он подошёл к поруганной вилле и снова опустился перед ней на колени.

— Прости, маленькая сестра, — шепнул он, накрывая её руки своими. — Покажи мне тех, кто тебя оскорбил.

Он знал, что тем самым причинит ей новую муку. Но более всего в этой жизни он боялся расправиться с неповинными.

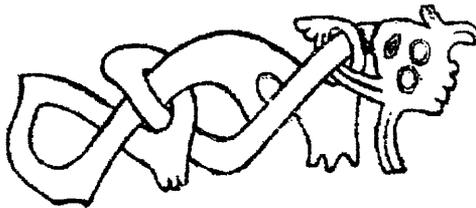
Вилла вздрогнула, застонала, сделала над собой зримое усилие... и он их увидел.

Между собою и с теми, кто *понимал*, виллы разговаривали совсем не так, как люди равнин. Они умели соприкасаться разумами, подобно Тилорну и Ниилит. А щелк и свист, который слышало ухо, лишь помогал должному напряжению внутренних сил.

И Волкодав их увидел. Так отчётливо, словно сам стоял на коленях в траве, тщетно пытаясь помочь смертельно раненному симурану. Вот только мужчина оказалось не семеро, как он ожидал. Их было восемь. И восьмым... Волкодав мысленно выругался. Восьмым был не кто иной, как Асгвайр, сын бортника Браноха. Так значит, мальчишка всё же успел пробежать одному ему известной тропой и достигнуть странствующий отряд, как и сулился, ещё до Утёса Сломанных Крыльев. Успел — себе на беду. Волкодав испытал ужас, представив Асгвайра насильником, но ужас длился мгновение. Асгвайр всё-таки не посрамил своего рода. Он пытался заступиться за пленницу. Он — и ещё один парень, тоже сегван, только другого племени, из береговых. Его лицо показалось Волкодаву смутно знакомым, но припомнить было некогда. Что с ними сделали? Этого вилла не знала. Убили, наверное: драка вышла жестокая...

Несколько симуранов уже разбежались по площадке, чтобы затем, прыжком уйдя с крутизны, мощными взмахами крыльев помчаться своих всадников к злополучной поляне. Благо все виллины увидели то же, что и Волкодав. И даже Эврих озадаченно хмурился, что-то улавливая и хмурия от напряжения лоб.

Шесть рож, отмеченных похотливой жестокостью, пронеслись перед венном, как одна короткая вспышка страдания. Обессиленная вилла закрыла глаза, из-под век потекли слёзы, её опять затрясло.

Продолжение — в следующем номере

© М. Семёнова, 1996. Перепечатка отрывков и материала в целом запрещена.

Продолжаем публикацию начатого в предыдущем номере интервью с Николаем Перумовым.

В.О. В чем вы видите причину многолетней успешной деятельности Толкиновских обществ в разных странах мира, приветствуете ли появление такого общества у нас, в Санкт-Петербурге и как к нему относитесь?

Н.П. Я к нему не отношусь прежде всего. Наш с вами контакт — первый. А причина появления Толкиновских обществ — в гениальности книги Толкина. В том, что она предлагает наиболее мягкий способ эскапизма, необходимый в современном обществе. В этом причина их жизнеспособности. Двадцать лет нет с нами Профессора, а Толкиновские общества живут и побеждают. А что касается питерского Общества... Приветствую ли я его появление? Наверное, приветствую, потому что всякое объединение лучше разъединения. Если люди, которые что-то любят, вместе, это лучше. Фанатизм гораздо хуже. С фанатиками я сталкивался. Их основной аргумент — деревянные мечи и хамство.

В.О. А вы не будете против, если кто-то напишет продолжение "Кольца тьмы"?

Н.П. Нет, конечно! Но теперь это будет уже продолжение "Адаманта Хенны". Я считаю, что каждый может писать то, что считает нужным.

В.О. Николай Данилович, наиболее частыми обвинениями в ваш адрес от тех, кто категорически вас не принимает, является то, что вы сделали беспринципно. Вы написали продолжение знаменитейшей книги и моментально сделали себе этим имя и, возможно, неплохие деньги, после чего начали играть на том, что ваше имя известно как имя продолжателя Толкина. На каждом томе "Хьрварда" написано — "Н.Перумов. Автор "Кольца тьмы". Что вы ответите на подобные обвинения?

Н.П. Известный человек в FIDO — А.Свиридов категорически не принял мои книги и очень критиковал их, но однажды сделал очень важное признание. Когда вышли два первых издания "Кольца тьмы", Алексей Свиридов работал торговцем книгами в Москве. Он сообщил, что когда появилось самое первое издание, называвшееся "Нисхождение тьмы" (пусть там и было написано "Продолжение знаменитой эпопеи Толкина") — оно раскупалось весьма средне. Зато когда появился "Северо-Запад", то это издание брали пачками, не глядя ни на название, ни на автора. "Это новый "Северо-Запад"? Берем!" Это я к чему. Книгу покупали не за счет того, что это продолжение Толкина. Книгу покупали только потому, что она вышла в "раскрученной" серии фэнтези "Северо-Запада". Мне можно предъявить претензии только в том, что она вышла в этой серии с желтыми суперобложками. Что касается "делания имени" на чужом материале — то тут я сильно рисковал. Дело в том, что известно — ни одно продолжение не бывает лучше оригинала, даже если пишет один и тот же автор. И берем в расчет такую реакцию: "Какой-то Перумов написал продолжение "Властелина колец"! Тыфу, да не будем мы этого покупать!" Поэтому обвинение в том, что я сделал себе имя на "Властелине колец", абсолютно неправомерно. Я привел весомые доказательства того, что это не так. Изначально книга покупалась потому, что вышла в "раскрученной" серии. И потом уже, когда пошла вторая волна интереса...

В.О. ...и поднялся грандиозный скандал...

Н.П. Вот-вот. Тогда эту книгу покупали из-за ее содержания.

В.О. Пара вопросов по "Адаманту Хенны". Прочтение "Адаманта" мне доставило массу удовольствия, хоть я вижу тут не Средиземье Толкина, а какой-то совершенно новый мир. Мне кажется, что за этой книгой стоит какая-то большая улыбка автора. Некоторые вещи серьезно там воспринимать невозможно. Я смеялся три дня, пока все не прочитал.

Д. Ну, например, Великий Орлангур в хомуте...

В.О. А меня сбила под стол в приступе истерического хохота фраза "впервые в жизни Малыш подавился пивом".

Н.П. Вы совершенно правы. На недавней встрече с читателями в Москве мне сказали: "Мы так ждали "Адамант" и так обломались!" Другие сказали, что это им понравилось больше "Кольца тьмы". Я ответил, что воспроизвести структуру и написать четкое продолжение было очень просто, так как "Кольцо тьмы" — монофонический роман, написанный с точки зрения Фолка. Написать в том же духе — несложно. Но я отказался от копирования структуры, отказался от некоторых моментов и прихватов. Действительно — "Адамант" содержит некоторый элемент самопародии. Отсюда хомут на шее Орлангура, кого-то покусавший Саруман, поднимающий ногу у забора...

В.О. В любом случае это было великолепно и доставило мне массу удовольствия.

Н.П. Вы правильно поняли, что никакой автор не может воспроизвести себя, не относясь к себе с некоторой долей иронии. Я рад, что вы это заметили. Это действительно самопародия, и подобные фразы туда вставлены не случайно. "Адамант" писался для того, чтобы показать выход героев на некоторый новый уровень, чтобы завершить мою историю Средиземья.

В.О. Еще одно обвинение в ваш адрес — патологическая тяга к разрушению. Разгромить, разрушить, уничтожить все, что можно...

Н.П. Есть такой роман, который я очень люблю, "Архипелаг ГУЛАГ". Эта книга посвящена величайшему разрушению века. Книга о разрушении, о его способах, о людях, которые разрушали. О людях, которых разрушали. Эта книга мрачна, тяжела и ее пафос — именно в пафосе разрушения. "К.Т." писался с 1987 по 1991 год, когда рушилась наша страна. Когда я это писал, передо мной стоял именно призрак разрушения. Разрушения всего и вся, когда с водой выплескивался и ребенок. Это, естественно, наложило свой отпечаток на идеологию "Кольца тьмы". Собственно, "Кольцо тьмы" — это еще и описание гибели античного мира. Падения Рима, античной Греции. Я описывал катастрофу, которая сопровождается глобальным разрушением. Выдавать же это за мою личную тягу к деструкции мне кажется несколько опрометчиво и ошибочно.

В.О. Много претензий еще к "Северо-Западному" "Кольцу тьмы" из-за огромного количества "висящих концов" — Синий Цветок, Дом Высокого и прочее. Кроме того, много несоответствий по тексту. Например, гномы входят в Морю на закате, идут восемь часов, выходят на верхние уровни и там все еще закат. Это редакторские ошибки?

Н.П. Да, это могут быть редакторские ошибки. Тем более, когда пишешь такой "opus magnum" неизбежно что-то забываешь. Конечно, эти ошибки очень досадны, а вычислить их при настолько большой работе очень трудно. По большей части редакторский недосмотр.

В.О. А стилистика? Там есть фраза о "нашем знакомом с ангарскими копытами"?

Д. Не копытами, а подковами!
В.О. Не суть. Это тоже редактор виноват?
Н.П. Ну, по поводу этой фразы я скажу, что это просторечие, а в просторечии такое вполне может встречаться.

В.О. То есть ваши герои должны говорить нормальным человеческим языком, без какого-либо пафоса?

Н.П. Да. Я старался придерживаться этого правила. Другое дело, как у меня это получалось. Некоторые патетические места я сам выкидывал. У меня большое расхождение с Профессором из-за третьей книги "В.К.", пропитанной непереносимым пафосом. И насколько я люблю первые две книги "Властелина", настолько не люблю конец третьей именно из-за этого.

В.О. Вам никогда не хотелось создать нечто, подобное Толкину? Работать много лет, создать что-то огромное, сложное, замечательное? Логически завершенное?

Н.П. О "висящих концах". Я не считаю, что писатель должен объяснить каждое слово, каждое явление в своей книге. Этого не сделал и Толкин. И люди много лет помали голову (до выхода "Сильмариллиона") - какой такой Тангродрим? Какой такой Белернанд? Отсюда некоторые недомолвки. Я считаю этот прием сознательным, и объяснить, что такое Тропа Соцветий, Дом Высокого, чем кончилась история с Атлосом, Роговдом, нетрудно. Но я считаю, что должен оставаться простор для читательской фантазии. Если читателю все объяснить, то он закроет книгу и отложит ее достаточно равнодушно.

В.О. А, кстати, что случилось с Атлосом?

Н.П. Атлос погиб. Роговд погиб на стенах Аннумиаса, когда все уже было потеряно, а Атлос сгинул при обороне Форноста.

Возвратимся к вопросу о том, не хочу ли я создать что-нибудь "грандиозное". Тут дело в разности подходов. Толкин прежде всего был англичанином и писал мифологию для Англии. Я от таких наполеоновских замашек свободен, потому что делать подобное несколько самонадеянно...

В.О. То есть вы не тщеславны?

Н.П. Я — нет. Я считаю, что мои книги занимают свое место — достаточно скромное — и хорошо. Меня не волнует посмертная слава...

В.О. ...надгробные памятники и мемориальные доски...

Н.П. На этом блочном доме?

(всеобщий смех)

Теперь что касается противоречивости и непротиворечивости мира Толкина. Этот мир очень противоречив, потому и жив. Поэтому вокруг него кипят споры и страсти. Поэтому в книге "Morgoth's Ring" есть раздел "Трансформированные мифы", где все перевернуто с ног на голову: Тулкас — Солнечный Валар, любовь Моргота и Ариэн и так далее.

В.О. Кстати, в "Адаманте" вы использовали сюжет с Морготом и Ариэн. Многие обвинили вас в плагиате с "Черных Хроник Арды", с Ниенн'ах. Там есть такие же моменты.

Н.П. Ну, меня обвиняли, что я списал "Кольцо тьмы" с "Черных Хроник", хотя это писалось года на три раньше. Это не плагиат. Возьмем опять ту же книгу JRRТ "Morgoth's Ring", и там найдем историю, как Ариэн отвергла любовь Моргота. Поэтому я и написал в "Адаманте", что "существуют древние рукописи", об этом повествующие.

В.О. То есть теперь наши читатели могут быть абсолютно уверены в том, что Ниенн'ах, создательницы "Черных Хроник", к вашей книге не имеют никакого отношения?

Н.П. Да, верно. Возьмите "Morgoth's Ring", откройте соответствующую главу, и вы все увидите сами.

Д. А как вы вообще относитесь к "Черным Хроникам Арды"?

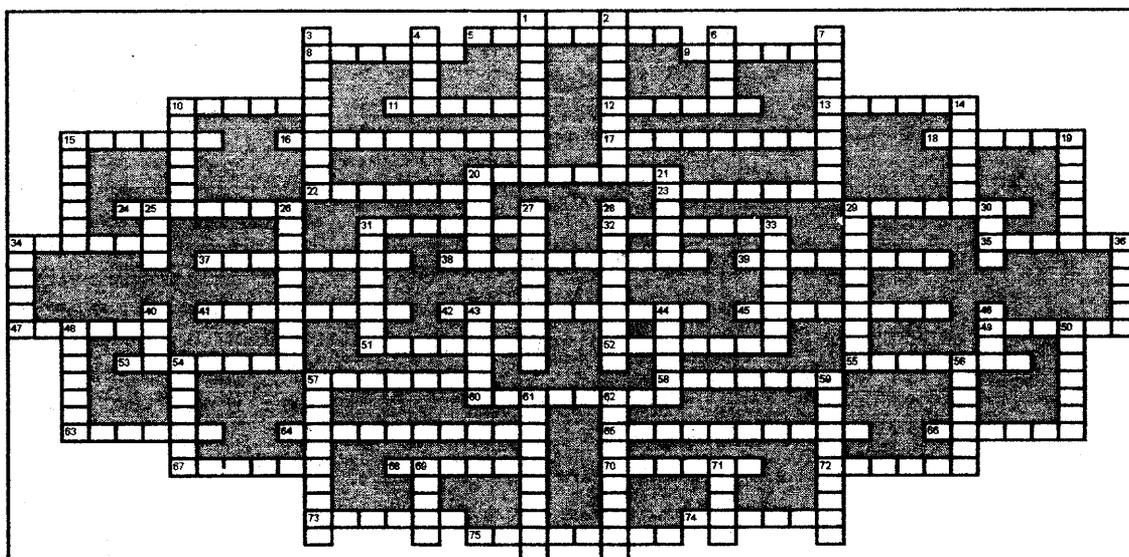
Н.П. Я считаю Ниенн'ах — Васильеву и Некрасову — очень талантливыми новеллистками. У них отличные отрывки "О драконах", "Песнь Девяти" — это очень хорошая, поэтичная проза. Это мне очень нравится. Серьезно. Безусловно, это не мой стиль, и я так писать никогда не буду. Поэтому и нравятся. Что же касается всей книги — она довольно странная. Как у автора-профессионала, у меня возникают вопросы о построении книги. Ну, например, глава "Ч.Х.А." "О Берене" дословно повторяет "Сильмариллион". Ну, или когда Моргот притворяется спящим, чтобы не помешать Берену спереть Сильмарилл. Для меня погика Моргота не ясна. Может быть, она есть у авторов, но лично до меня и до читателей эту логику они не донесли. Я считаю, что "Ч.Х.А." — это попытка создать альтернативу, не отрываясь от первоисточника. Но в то же время сделать это сложно. Вот, например, есть у JRRТ Моргот. Очень плохой. Его назначили быть плохим, и он такой и есть. Почему — почти не объясняется. Я же, когда писал Олмера, я пытался найти для него хоть какие-то аргументы и их внятно изложить. Его, Олмера, точку зрения. А в "Сильмариллионе" есть два взаимоисключающих момента. Эру говорит Мелькору: "Все, что ты сотворишь, будет к вящей славе моей". То есть убийства, злодейства и прочее. Дает ему на это карт-бланш. И тут мы упираемся в проблему католического догматизма. Может ли Бог, который "ест любовь", использовать такое создание, которое всячески людей мучает, посылает эпидемии и творит гадости? И вот мы подходим к католическому догмату, с которым я категорически не согласен, и не согласен с этим в книгах Толкина — это наше с ним большое расхождение — всегда, когда описывают кого-то плохим, не дают понять, почему он плохой. Вот в "Morgoth's Ring" принята попытка — несчастная любовь Моргота к Ариэн, когда она его отвергла. Очень воскопше, несколькими фразами. Но после этого я стал лучше понимать Моргота.

Возвращаясь к "Ниенне", скажу, что если бы эта книга была сделана как сборник рассказов, это было бы очень хорошо. И попытка авторов создать связный, сюжетный роман привела к разрушению структуры. И некоторые вещи воспринимаются теперь с юмором, например, бедный Эру, который патологически всем все время врет. Зачем это ему надо — я не знаю. Жаль, очень жаль, потому что в другом случае книга получилась бы очень хорошая. Ну, тот же эпизод с Береном, почти один к одному списанный с Толкина. И в то же время туда вставляется сугубо постмодернистский кусок, который в данном контексте выглядит странно. Я не люблю постмодернизма, и, возможно, тут сказывается эффект моего восприятия. Но местами в "Черных Хрониках" есть то, что мне очень нравится, то, что очень сильно и красиво сделано.

(Окончание следует)

© Толкиновское Общество Санкт-Петербурга. Перепечатка только по специальному разрешению.

Кроссворд «The Crossroad»

Составил Золтан Бардинг

По горизонтали: 5. Затмение, "Конец света" (кв). 8. Одно из названий Кольца Всевластья 9. Одна из Бал, владычица скорби и плача. 10. Буква (кв). 11. Наставник Туора, синдар из Митрима. 12. Луговая область в Митгалмаре. 13. Один из сыновей Дюра. 15. Название месяцев в Королевском Летоисчислении. 16. Отец Геронтуса - старого Тукка. 17. Старейшина Айдбурга. 18. Тринадцатый князь Артедайна. 20. Баннар, создавший "Алдуэниэ". 22. Князь Дол-Амрота, отец Имрахила. 25. Синдарское название января. 24. Князь Артедайна, погибший в 1356 г. Т.Э. 29. Подobie Лаурелина, созданное Тургоном. 31. Вождь дунаданов (+2912 Т.Э.). 32. Область Гондора. 34. Всадник из отряда Эомера. 35. Второй день в синдарской неделе. 37. Конь Эовейн. 38. "Священный холм", роханское название Амон Анвара. 39. Король-мореход, шестой владыка Нуменора. 41. Двадцать второй король Нуменора. 42. Гавань Верных (кв.). 45. Сын Эндакара, казненный Кастамиром-узурпатором. 47. Стольный град Рохана. 49. Один из спутников Барахира в Дортонионе. 51. Тусклоземье, страна жестоких горцев. 52. "Огненная крепость", один из Клыкков Мордора. 53. Черный Нуменорец, царь харадримов в конце II эпохи. 55. Название сказания о Берене и Лугиэв. 57. Мать Феанора. 58. Восьмой князь Артедайна. 60. "Смертная-мгла-ночи", одно из названий Дортониона. 63. Лесной (синд.). 64. Уважаемое хоббитское семейство. 65. "Серый Лист" (синд.). 66. Царь Белегоста, погибший в Нирнаэт Аркозвезд. 67. Белое Древо Нуменора. 68. Квеннйское название ноября в Нуменоре. 70. Река в Гондоре. 72. Сестра Турина Турамбара. 73. Порода белых скакунов, идущая от Феларофа. 74. Третий маяк Гондора. 75. Завеса Тумана (кв.).

По вертикали: 1. Одно из названий Мирявуда. 2. Первый день в хоббитской неделе, архаичная форма ("Желтый пергамент города Тукборо"). 3. Матушка Бильбо. 4. Старший сын Беора. 6. Гном из Отряда Хранителей. 7. "Красный холм" (кв.). 10. Перешеек в Белфаласе. 14. Замок в Мордоре. 15. "Длинный Мыс", гористый полуостров между реками Исена и Ифлуя. 19. Равнина к северу от Границы Маэдроса. 20. Одно из названий Нуменора. 21. Квеннйское название Средиземья. 25. Синдарское имя Пулы. 26. Гномье название Фанудола. 27. Нуменорская гавань в устье Гватто. 28. Старое название Эгтвуда. 29. Эльф из Гондолина, убитый в поединке Валрогом. 30. Поддорское имя Солнца. 31. "Сияющие пещеры", открытые Гимли. 33. Буквоный лес в северной части Дорната. 34. Жена Тургона, погибшая в Ледовом походе. 36. Восточная часть Рохана. 40. "Целительница", супруга Ирмо. 43. Одно из имен Тома Бомбадала. 44. Отраженное Королевство. 46. Общее название Обитаемых Земель. 48. Имя меча, добытого Торниом в пещере троллей. 50. "Сумеречное", озеро в Эрнадоре. 54. Конь Арагорна. 56. Нуменорец, отец первого владыки Дол-Амрота. 57. "Стоп Небес", священная гора в Нуменоре. 59. Синдарское обращение к Барде Элберет. 61. Вечтозеленое дерево, привезенное в Нуменор с Эрессеа. 62. "Демоны Мощи", балроги. 69. Квеннйское название осени. 71. Топи, болота (кв.).

Ответы на кроссворд, помещенный в предыдущем номере:

По горизонтали: 1. Муирхертах. 6. Кухук. 8. Елех. 9. Круах. 12. Конкобар. 13. Конал. 15. Альба. 16. Дукут. 17. Триат. 18. Мананнан. 19. Лугайд. 20. Бодб. 22. Хорут. 23. Трайтлетан.
По вертикали: 1. Айрем. 2. Кагах. 3. Кайрвех. 7. Каланрикард. 9. Кальбуйлах. 10. Морриган. 11. Нарнгуан. 14. Пуат. 15. Арет. 20. Бойна. 21. Брега. 23. Темра. 24. Найси.

Иллюстрированный журнал Санкт-Петербургского Толкиновского общества
"РЕЗВЫЙ НОЖ"

Выпускается ежемесячно. Формат А-4. N - 7 к печати с оригинал-макета 30.05.1996 г.

© Проект "FORMENÉ-NUMEN-PRESS"

Ответственный редактор, организатор проекта: Оромэ Аддарон.

Продюсер: Цайгерд

Техническое редактирование, дизайн: Стана Сериндэ, Эрандил

© Художественное оформление: Моргул.

Перепечатка любых материалов возможна только с письменного разрешения представителя Совета Толкиновского общества. При перепечатке ссылка на С-Петербургское Толкиновское общество и название журнала обязательна
АДРЕС РЕДАКЦИИ: СПб 197110; АЯ - 195